

БЕЛОРУССИЯ КАК «СОВЕТСКАЯ ШАМБАЛА»?

Михаил ДЕЛЯГИН,
руководитель
Института проблем
глобализации, доктор
экономических наук,
профессор (Москва)

Говоря о предпосылках реализации российского модернизационного проекта, нельзя забывать о реальных достижениях нескольких стран постсоветского пространства, поразительных на фоне общей архаизации и дестабилизации.

Весьма значимым для развития современной России представляется не осознаваемый современным российским обществом (в том числе и из-за глубины его собственной деградации) опыт Белоруссии*, руководство которой, несмотря на довольно жесткое противостояние с Западом, обеспечивает вполне успешное социально-экономическое развитие своего общества. Особенно очевидными его успехи становятся при сопоставлении с положением, как хозяйственным, так и социальным, граничащих с ней регионов России – Брянской, Смоленской и Псковской областей.

Опыт Белоруссии интересен еще и тем, что представляет собой гармоничное продолжение в качественно новых условиях весьма интересного модернизационного проекта еще советских времен, развивавшегося скрытно, но вместе с тем весьма эффективно.

Различные части Советского Союза, как известно, развивались разными темпами, а начиная с определенного момента (насколько можно судить, с начала 70-х годов, когда был сделан системный выбор в пользу отказа от модернизации) – и в принципиально различных направлениях.

Хрущев был свергнут правящей Советским Союзом бюрократией (наиболее полно представленной совокупностью первых секретарей обкомов, крайкомов и комитетов автономных республик в составе РСФСР и руководителей коммунистических партий других союзных республик) в первую очередь за стремление к постоянной кадровой ротации, размыванию национальных и регио-

нальных кланов внутри руководства КПСС. Он справедливо считал недопущение возникновения таких кланов условием эффективности государственной власти (и неизбежности своей личной), но, отказавшись от репрессивного аппарата Сталина, не нашел ему адекватной замены и в итоге был съеден этими формирующимися кланами.

Пришедший ему на смену «консенсусный генсек» Брежнев четко ощущал, кому он обязан своей властью и чего нельзя делать в интересах ее сохранения. В результате именно при Брежневе национальные и региональные кланы оформились как основные структурообразующие элементы правящей бюрократии. Частные попытки разрушить их, предпринимавшиеся в последние годы его правления и в период агонии Советского Союза, носили характер междоусобной клановой войны и, как правило, подрывали позиции одних кланов в пользу других, а отнюдь не саму сложившуюся клановую систему как таковую. В 1986 году казахский клан ответил на попытку ограничения своих позиций организацией массовых беспорядков в Алма-Ате, которые стали первым в Советском Союзе вышедшим из-под контроля государства межнациональным конфликтом, предвестником его распада. Когда кланы окрепли и стали относительно самостоятельными, они с восторгом восприняли возможность выхода из-под контроля Москвы, предоставленную им распадом центральной власти и переходом России под контроль демократической группировки Ельцина.

Принципиально важно, что каждая руководящая национальная или региональная группировка несла на себе сильнейший отпечаток национальной или региональной культуры, действительно представляя собой неформальных представителей того или иного слоя советского общества.

В пользу тогдашнего советского общества свидетельствует то, что кланы, являвшиеся носителями феодально-байского или просто коррупционного укладов жизни, а также

* Авторское название.

исповедовавшие националистические подходы, так и не были за все время существования Советского Союза допущены к реальной борьбе за высшую государственную власть. При всем своем колоссальном влиянии и возможностях они автоматически отсекались от этой борьбы самой бюрократической средой, проявляя свою политическую и административную активность лишь в рамках выделенных им, хотя и достаточно широких «резерваций». Антикоррупционные репрессии против них осуществлялись (при всей постоянной остроте межклановых противоречий и даже борьбы) лишь тогда, когда они вольно или невольно подходили к границе выделенных им административных полномочий и, даже неосознанно, создавали угрозу как для лидирующего клана, так и для власти правящего класса партийно-хозяйственной номенклатуры в целом, общие интересы которого, безусловно, доминировали в практической политике, несмотря на частные внутренние расхождения.

Насколько можно судить, за все время правления Брежнева сложившейся при нем кланово-региональной модели управления как самой КПСС, так и всей страной было брошено лишь два серьезных вызова. Первый – в начале 70-х – был связан с именем А.Н. Косыгина. Пытаясь во второй половине 60-х годов осуществить хозяйственную реформу с плавным переводом социалистической экономики на преимущественно рыночные рельсы (с соответствующей национальной спецификой подобная реформа была проведена в Китае), А.Н. Косыгин и его окружение, вероятно, осознали принципиальную невозможность повышения эффективности советской экономики в условиях партийного руководства. Результатом стала подготовка Пленума ЦК КПСС по «возврату к ленинским нормам руководства», которые должны были заключаться в передаче всей экономической политики в сферу исключительной компетенции правительства и, соответственно, в лишении партийных органов всякой возможности вмешиваться в хозяйственное управление.

Понятно, что в силу своей политической наивности эта попытка была обречена на провал, выражением которого стало проведение Пленума ЦК КПСС с беспрецедентным опозда-

нием и с совершенно иной, рутинной повесткой дня. А затем взлет мировых цен на нефть и стремительное развертывание экспорта нефти и газа сняли с повестки дня вопрос о необходимости комплексной модернизации и позволили Советскому Союзу продолжить плавно переросшее в загнивание экстенсивное развитие.

Вторая попытка разрушения регионально-клановой брежневской системы управления – и на ней в силу ее уникальности и неизвестности следует остановиться подробнее – была предпринята в конце 70-х годов руководством Белоруссии во главе с Петром Машеровым.

В Белоруссии руководящий клан сложился совершенно необычным для Советского Союза образом – из так называемой «партизанской элиты». Ее основы были созданы еще во время комплексной и весьма глубокой подготовки партизанского движения перед войной, проведенной советскими спецслужбами. Затем члены этой будущей элиты прошли чудовищную по своей жестокости и масштабу потерь партизанскую войну, не просто привившую им навыки коллективной эффективности и скрытого взаимодействия, но и в прямом смысле слова кровью спаявшей их в единое целое. После освобождения Белоруссии именно командиры партизанских отрядов составили костяк партийно-советской системы управления и непосредственно занялись восстановлением своей страны.

Они научились виртуозно использовать ресурсы Советского Союза для развития своей республики, но при этом оставались в прямом смысле этого слова советскими людьми, стремящимися как к благу для всего Советского Союза, так и к завоеванию власти именно в его масштабах.

В силу не только взаимной поддержки, но и исключительной высокой добросовестности и компетентности представители «партизанской элиты» постепенно заняли целый ряд ключевых постов в руководстве – прежде всего хозяйственном – всего Советского Союза. Апогеем тихого и практически незаметного продвижения «партизанской элиты» Белоруссии в союзную власть стало принятие в самом конце сентября или первых днях октября 1980 года решения о замене председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина,

ДЕЛЯГИН

Михаил Геннадьевич.

Председатель Президиума (Попечительского совета) – научный руководитель, создатель Института проблем глобализации (ИПРОГ). В 1992 году с отличием окончил экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. С июня 1990 по июль 1999 года – аналитик аппарата Б. Ельцина, референт помощника президента, советник вице-премьеров А. Куликова, Б. Немцова и Ю. Маслюкова, заместитель руководителя Секретариата Н. Аксененко. С августа 1999 по март 2002 года – советник Е. Примакова, с марта 2002 по август 2003 – помощник председателя правительства России М. Касьянова. Член Совета по внешней и оборонной политике (1999), Правления Всероссийского союза товаропроизводителей (2001), Наблюдательного Совета Всемирного антикриминального антитеррористического форума (2001), заместитель Председателя Российского союза налогоплательщиков (2003). Доктор экономических наук (1998). Почетный профессор Цзилиньского университета (Китай). Академик РАЕН (2004). Автор более 600 статей в России, США, Германии, Франции, Финляндии, Китае, Индии и др., 9 монографий, из которых наиболее значимы «Экономика неплатежей» (1997), «Идеология возрождения» (2000), «Мировой кризис. Общая теория глобализации» (2003).

незадолго до этого перенесшего второй инфаркт, от последствий которого ему так и не суждено было оправиться, на уже тогда легендарного руководителя Белоруссии П.М. Машерова.

Сегодня уже практически не вызывает сомнений версия о том, что гибель П.М. Машерова в автомобильной катастрофе 4 октября 1980 года, накануне предоставления ему качественно новой, соответствующей его новому статусу охраны, представляла собой политическое убийство, призванное остановить продвижение «партизанской элиты» к высшей государственной власти. Остановив ее ради сохранения у власти наиболее комфортной для себя брежневской группировки, правящая союзная бюрократия уничтожила тем самым последний внутренний источник эффективности Советского Союза и обрекла его на распад и бесславную гибель.

Поразительно, но при анализе советского опыта развития Белоруссии трудно удержаться от ощущения, что она была выбрана в качестве своего рода «советской Шамбалы» – полигона для создания и отладки действительно принципиально нового, советского типа человека и принципиально нового, советского типа общества, гармонично увязывающего этого человека с качественно новым типом общественных отношений. И действительно, Белоруссия была во время Советского Союза и остается по сей день самым советским элементом советской цивилизации.

Возможно, такой проект, как и многие другие, был действительно разработан на общегосударственном уровне при Сталине, а затем реализовывался «по инерции», в силу закрепленной страхом на уровне социальной памяти и не осознаваемой непосредственно привычки. При выборе Белоруссии, возможно, был учтен не только исключительно спокойный и уравновешенный белорусский национальный характер, но и то, что Белоруссия понесла наибольший ущерб от Великой Отечественной войны, в которой, только по официальным данным, погибла четверть ее населения (да и от всех предшествующих войн). Понятно ведь, что максимальный масштаб разрушений означал наибольший масштаб и глубину изменений, которые можно

было осуществить в ходе восстановления и реконструкции.

Однако нельзя полностью исключить вероятность и того, что белорусский проект был частной и неразглашаемой инициативой самой «партизанской элиты» – людей, по классической формуле, реанимированной Л.Н. Гумилевым, обладавших «длинной волей» в ее наиболее полном выражении. Из нашего исторического далека они представляются вполне способными на его реализацию свойственными им непрямыми и скрытыми даже от глаз бюрократии «партизанскими» методами и даже без его формализации.

Однако вне зависимости от того, чем именно был этот проект и кем и когда он был инициирован, его проявления не вызывают сомнения.

Так, в советские годы именно Белоруссия была полигоном для отработки и отладки для последующего применения в масштабах всей страны практически всех современных технологий, для опробования которых ее природно-климатические условия были применимы хотя бы в минимальной сфере.

Это касалось не только промышленных, но и социальных технологий. В частности, в то самое время, когда сельское хозяйство Советского Союза представляло собой «черную дыру», а социальные отношения на селе являли собой картину социальной деградации в самом прямом смысле, Белоруссия покрывалась сетью прекрасно развивающихся агрогородков. При всех их недостатках, на которые справедливо указывали (и указывают) собственно белорусские источники, их отличие от основной части сельскохозяйственной практики Советского Союза (а сейчас России) бросается в глаза. Они значительно опередили свое время – в частности, практическое применение теории «агрополисов» на Западе – и по сей день действительно довольно эффективно соединяют в себе преимущества городской и сельской жизни.

И по сей день производит глубокое впечатление стремление белорусов к сохранению собственной культуры и собственного общества. Так, Белоруссия едва ли единственная из стран постсоветского пространства в принципе не допускает к себе гастарбайтеров, сохранив во многом благодаря этому как

...В советские годы именно Белоруссия была полигоном для отработки и отладки для последующего применения в масштабах всей страны практически всех современных технологий, не только промышленных, но и социальных.

этноконфессиональный баланс общества и относительно благоприятную социальную атмосферу (так как никто не портит рынок труда готовностью «на любую работу за любую оплату»), так и собственных весьма квалифицированных строителей, скорость работы которых сопоставима с китайской.

Когда Лукашенко пришел к власти, существенная часть значимых производственных активов Белоруссии и ее недвижимости была передана в частные руки, золотовалютных резервов не было, налоги собирались крайне плохо, а страна была обременена огромным для нее и притом скрытым внешним долгом. Поэтому Запад считал, что у Лукашенко нет иного пути, кроме получения внешних кредитов (к тому моменту представители демократического руководства тайно взяли от имени государства около 2,5 млрд. долларов краткосрочных займов, уже непосильных тогдашней белорусской экономике) и полного подчинения Западу, и он неизбежно пойдет нормальным путем латиноамериканских популистских режимов. Современная ненависть к нему и вызвана главным образом тем, что он отказался от западного диктата и восстановил экономику Белоруссии в интересах белорусского общества без его подчинения транснациональному капиталу.

Значимую роль в этом сыграл возврат активов, который происходил специфически белорусским способом. Похоже, никому, несмотря на все ожесточение политической борьбы, и в голову не пришло объявить приватизаторов «олигархами», «спекулянтами» и «врагами народа», как это было сделано у нас в 2003 году.

Если незаконность передачи собственности была очевидна, новому владельцу предлагали просто отдать незаконно полученное имущество, сохранив у себя прибыль от его довольно длительного использования. Если он отказывался, у него отбирали собственность по суду. Поскольку новые владельцы приватизированной собственности хорошо понимали наличие второй возможности (им это объяснялось, а несколько примеров были перед глазами), они, как правило, шли по первому пути, добровольно возвращая собственность государству и сохраняя себе не только заработанную на ней прибыль, но и доброе имя.

В результате экономика стала производительной, а не спекулятивной, а государство и бизнес развиваются (при всем понятном и объективно неизбежном, особенно в условиях ограничения демократии, недовольстве друг другом) не просто в мире, но и в тесном сотрудничестве, обеспечивая сравнительно здоровое развитие и нормальное самочувствие всего общества.

Безусловная эффективность Лукашенко, проявляющаяся как в социально-экономической (в которой у Белоруссии просто нет никаких объективных преимуществ), так и в политической сфере (где он, например, на равных противостоит российской правящей бюрократии, не обладая практически никакими значимыми ресурсами), вызвана, как представляется, именно его опорой на советский белорусский проект.

И сам Лукашенко, и его окружение, и само белорусское общество созданы, сформированы этим проектом и потому, в целом соответствуя друг другу, демонстрируют загадочную для привыкшего к постсоветскому хаосу наблюдателю эффективность и устойчивость.

Да, разумеется, этот проект несет на себе полноценный отпечаток не только достоинств, но и недостатков советской цивилизации. Недостаточная инициативность государства в вопросах качественного развития общества, бюрократическая пассивность (проявляющаяся, в частности, в пренебрежении возможностью стать центром разработки новых технологий для России, Украины и Казахстана путем привлечения известных изобретателей и создания им минимальных условий для работы) и ряд других недостатков создают для Белоруссии серьезные стратегические проблемы.

Однако вне зависимости от ее будущей судьбы сам факт наличия по соседству «советской Шамбалы» с поистине невероятным потенциалом в области развития и стабилизации в первую очередь именно общественных отношений дает России исключительно важные дополнительные возможности для форсированного проведения комплексной модернизации. ■

